

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА В БССР НАКАНУНЕ «ГОДА ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

И.И. Янушевич (БГУ, Минск)

УДК 947.808.4

В статье анализируется состояние антирелигиозной информационно-пропагандистской системы накануне трансформации социально-экономической системы в конце 1920-х начале 1930-х гг. Предлагаемый к реализации план построения социалистического государства подразумевал мобилизацию всего имеющегося в стране ресурса, в том числе и человеческого, на выполнение народнохозяйственных планов. Добиться единства общества или его полного подчинения указаниям политического руководства предполагалось различными способами. В идеологической сфере наиболее опасными были названы религия и церковь, а главным оружием в борьбе с ними должно было стать атеистическое воспитание.

Anti-religious propaganda in the BSSR on the eve of the "Year of Great Change»

I.I. Yanushevich (BSU, Minsk)

The article analyzes the state of the anti-religious outreach system on the eve of the transformation of the socio-economic system in the late 1920s and early 1930s. The plan of building a socialist state implied mobilization of all resources available in the country, including human resource, and was aimed to perform national economic plans. To achieve unity of the society or its complete submission to instructions of the political leadership was assumed by various methods. In the ideological sphere religion and church were named as the most dangerous, and atheistic education was to become the main weapon in the fight against them.

Антирелигиозная политика партийно-государственных структур во второй половине 1920-х гг. была тесным образом связана с «текущим моментом». Реализуемая новая экономическая политика требовала определенных уступок и в ограничении деятельности религиозных организаций. Задачи по форсированной индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства предполагали значительное переустройство общественно-политической системы страны, что, безусловно, повлияло на государственно-церковные отношения, в том числе и в области организации антирелигиозной пропаганды. Историография поставленного вопроса насчитывает несколько тысяч монографий, сборников статей, научных публикаций и т.д. В СССР это была излюбленная тема для историков, философов и общественных деятелей. Основное внимание уделялось изучению наследия классиков марксизма-ленинизма, развитию атеистической мысли и изучению «контрреволюционной» деятельности духовенства [1, 2]. Наибольший научный интерес вызывают произведения, изданные до 1933 г., в которых, несмотря на агитационный полемический

характер, в большей степени показаны особенности проводимой работы, ее цели и задачи [3]. Антирелигиозная деятельность в работах не советских исследователей рассматривается в рамках всей системы государственно-церковных отношений [4, 5]. Между тем, представляется необходимым дальнейшее выявление определяющих факторов в проводимой в СССР государственной антирелигиозной политике, что еще не в полной мере исследовано учеными, особенно это касается территории БССР.

Первым явным признаком возобновления пристального внимания партии к антирелигиозной работе стало совещание в ЦК ВКПБ в апреле 1926 г. Все более усиливающаяся во власти группа И. Сталина декларировала важность задач по выявлению и ликвидации контрреволюционных элементов в советском обществе, как главного препятствия на пути социалистического строительства. Безусловно, к таковым в первую очередь относились религиозные организации, да и простые граждане, не разделяющие материалистического мировоззрения. Формально главным итогом совещания должно было стать решение о борьбе с сектантством. Однако уже в первых выступлениях руководства партии вопрос атеистического перевоспитания масс был поставлен как острый политический. Констатировалось, что имевшие место социально-экономические трудности усиливают «религиозные настроения некоторой части рабочих масс» [4, с. 51]. Вместо мобилизации советских граждан для борьбы с буржуазными элементами и в городе, и в деревне наблюдался процесс усиления контрреволюционной пропаганды. Еще более опасным для высших партийцев было то, что не все члены партии соглашались с имевшими место действиями антирелигиозников. На совещании также развернулась нешуточная дискуссия. У представителей с мест звучали практически ликвидаторские настроения, подкрепляемые конкретными фактами. Указывалось на несвоевременность подобной деятельности, на невозможность организовать ее на должном уровне РГСПИ [6, л. 4, 34, 48, 98-100].

Однако количественный рост религиозных организаций и «внезапное» выявление в стране 18 млн. сектантов давали политическому руководству основание для начала нового наступления на религию и церковь [7, л. 62]. Определится с тактикой антирелигиозной борьбы в БССР было весьма проблематично. Наша республика, не располагавшая значительной прослойкой рабочих, наряду с регионами Северного Кавказа и Средней Азии, относилась к наиболее сложным участкам. Реальных сдвигов в антирелигиозной работе после совещания 1926 г. в БССР не наблюдалось. Принимаемые центральным комитетом и окружными комитетами партии решения на местах фактически не исполнялись. Переломить ситуацию должно было Всебелорусское совещание агитаторов и пропагандистов, которое состоялось 29 августа 1927 г. В тезисах Р. Шукевича-Третьякова отмечалось: «Наблюдаемое в последнее время в БССР общее усиление деятельности всевозможных религиозных организаций целиком связано с

общим усилением буржуазных и мелко-буржуазных верхушек и слоев, стремящихся противопоставить свою идеологию неуклонно растущему в трудящихся массах – белорусских, русских, польских и еврейских, латышских, – влияния пролетарской идеологии. Не редки факты, когда враждовавшее ранее между собою духовенство различных религиозных культов в наши дни блокируется, выступает против нас единым фронтом. Укрепление диктатуры пролетариата, усиление воздействия на широкие массы трудящихся, культурно-политический рост последних, укрепление советских настроений, развертывание всех форм пролетарской демократий заставляет все религиозные организации перестраивать и пересматривать все формы идеологического действия на массы в сторону их большей демократизации» [8, л. 21]. Использование религиозными организациями эффективных форм самоорганизации требовали от безбожников перестройки всей системы антирелигиозной работы. В резолюциях Всебелорусского совещания агитаторов и пропагандистов и решений Бюро ЦК КП (б)Б от 2 сентября 1927 г. однозначно указывалось на недостаточное внимание партийных организаций к данному вопросу и необходимость ее организации в соответствии с новыми реалиями: «Узмацненню рэакцыйнай дзейнасці рэлігійных арганізацый не адпавядае сучасны стан анты-рэлігійнай прапаганды. Яе асноўны недахоп – неўвыстрачальнай меры выконваліся (а то і зусім ня выконваліся) дырэктывы партыйных з'ездаў, канферэнцый і ЦК на конт масавага развіцця антырэлігійнай працы» [9, л. 18]. Следует отметить, что в целом в области организации агитационно-пропагандистской деятельности проходили серьезные сдвиги в сторону качественного улучшения работы. В первую очередь это касалось отношения к оппозиции, повышение уровня грамотности, овладение знаниями в управлении народно-хозяйственной сферой. В идеологической работе с массами наблюдался формализм, неумение сопоставить выдвигаемые лозунги с практической деятельностью на производстве и особенно в сельском хозяйстве.

Антирелигиозное направление не считалось приоритетным. При этом религиозность населения партийцами воспринималась с большевистской, а не с максиско-ленинской точки зрения. Как, например, во время дискуссии на Всебелорусском совещании агитаторов и пропагандистов 29 августа 1927 г. представитель Могилева тов. Авик заявил: «За кошт чаго адбываецца рост рэлігійнасці. За кошт нашае кепскае палітпрасвет работы. Асноўны недахоп гэта малы лік актыўу безбожнікаў. Трэба было ўтварыць курсы безбожнікаў, а то ячэйкі на месцах ня маюць ніводнага рэлігійніка» [8, л. 7]. Таким образом, даже теоретические выкладки В.И. Ленина, изложенные в статье «О значении воинствующего материализма» фактически не учитывались: «Величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные... массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского

просвещения» [10, с. 8]. Понимания сущности религиозных верований, их значения в жизни человека у осуществлявших антирелигиозную политику не просматривалось. По крайней мере, в партийных документах за 1927 г. по организации данной работы практически все сводилось к фактически механическому перевоспитанию верующего в атеиста посредством набора определенных форм и методов. Первейшее значение предавалось созданию Союза безбожников. Существующие в республике ячейки безбожников были малочисленны и слабо подготовлены и теоритический, и практически. Организацию предполагалось укрепить ответственными партийцами с опытом общественной работы. Для широкого охвата масс предполагалось создание областных, районных советов и первичных организаций на всех предприятиях, в учебных и советских учреждениях. Создававшаяся структура Союза безбожников соответствовала уже имевшимся партийной и комсомольской, но в отличие от них, обладая незначительным штатом сотрудников, должна была охватить значительно большее количество граждан. Для этого необходимо было задействовать весь имеющийся ресурс безбожников и посредством их вовлечь в борьбу с религиозностью населения наиболее социально активную часть общества (учителя, врачи, инженерно-технические работники). Повышению уровня компетентности должны были способствовать различные формы обучения профессиональных безбожников на курсах, семинарах, в кружках. Особое внимание Всебелорусское совещание уделило системе образования, на которую возлагались задачи не только по материалистическому воспитанию молодежи, но и по научно-методическому и кадровому обеспечению безбожного движения. Ставя подобные задачи, участники совещания не в полной мере соотносили их с реальной действительностью. В СССР, по мнению компетентных структур, более 80% граждан были верующими [11, л. 2]. В БССР только 6% гражданских обрядов не подтверждались религиозными действиями [9, л. 23]. Внутриполитическая обстановка в БССР была чрезвычайно нестабильна. ЦК КП(б)Б вынужден был согласиться с предложением В. Кнорина пойти на целый ряд всяческих уступок населению: снижение некоторых налогов, цен на лес, регулярное снабжение продуктами и т. д. «...чтоб только крестьяне не были очень критически настроены» [12, л. 70]. С учетом еще не стабильной внешнеполитической обстановки, единственной силой которая могла взять на себя задачи и функции застрельщика безбожия, являлась ВКП(б).

Резолюция Всебелорусского совещания агитаторов и пропагандистов требовала, чтобы вся антирелигиозная работа стала одной из важнейших для коммунистов: «Все партийные ячейки, до низовой ячейки включительно, должны обратить внимание на укрепление безбожной работы, усилить общее партийное руководство, выделив на эту работу выдержанных товарищей» [8, л. 26]. Антирелигиозную работу предлагалось засчитывать как основную партийную нагрузку. То, что партия должна была возглавить борьбу с религией и церковью, И. Сталин обозначил в беседе с первой американской

рабочей делегацией в 1927г.: «Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплуататорские классы и проповедующего повиновение этим классам» [13, с.132].

Однако на местах и это заявление, и критика состояния антирелигиозной борьбы на XV съезде ВКП(б) не привели к какому-то значительному усилению работы. Весной 1928 г. секретарь ЦК КП(б)Б В. Кнорин констатировал: «Сейчас мы наступаем на религию, а поп и ксендз наступают на нас. Мы с трудом удерживаем те позиции, которые имели несколько лет назад, больше того, мы, очевидно, отступаем от этих позиций. Успехи религиозного движения являются показателем того, что мы с той колоссальной задачей, которая перед нами стоит – распространения антирелигиозного влияния над рабочим классом – не справились» [14, л. 26-27]. В. Кнорин был участником антирелигиозного совещания 1926 г. и одним из разработчиков тактики партии по борьбе с религией и церковью. В БССР он столкнулся с практически полным отсутствием систематической антирелигиозной деятельности. И если центральный и некоторые окружные комитеты КП(б)Б в 1927-1928 гг. регулярно уделяли внимание данному вопросу, то на уровне районов и в том же Витебском округе в тезисах доклада агит-пропотдела указывалось, что в «округе почти не проводится антирелигиозная пропаганда» [15, с.14]. Практически дословно совпадала характеристика работы с ситуацией в Рогачеве: «Справа антырэлігійнай прапаганды ў нашым раёне абстаіць надзвычайна слаба» [16, л. 384]. Районным руководством указывалось на отсутствие партийцев, знакомых с подобной работой, загруженностью их иными видами деятельности. Подобная ситуация наблюдалась и на всесоюзном уровне. На заседании оргбюро ЦК ВКП(б) 10 декабря 1928 г. Ем. Ярославский при обсуждении мер по усилению антирелигиозной работы утверждал: «Товарищи, предложенная здесь резолюция и фактический материал, розданный вам, рисуют в довольно неприглядном виде положение антирелигиозной пропаганды и религиозных организаций. Постановку этого вопроса в ЦК мы рассматриваем как постановку одной из сторон нашего наступления на капиталистические элементы во исполнение решений XV съезда. Я должен сказать, что партия слишком мало обращает внимания на то, что в лице религиозных организаций капиталистические элементы имеют сложный и сильный аппарат агитации и пропаганды...» [17, л. 7]. Спустя 2 месяца в циркулярном письме ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной работы» за подписью Л. Кагановича будут указаны основные задачи и проблемы в данном вопросе: «ЦК обращает особое внимание на то, что действия некоторых религиозных организаций усиливаются в последнее время даже в некоторых рабочих районах... Единственная антирелигиозная

организация в стране — «Союз безбожников» за последние годы достиг, несомненно, положительных результатов, возрос численно, создал вокруг себя некоторый актив из беспартийных рабочих и крестьян безбожников, упрочил издание и распространение антирелигиозной периодической и непериодической литературы и улучшил ее качество, разработал более тщательно меры антирелигиозной пропаганды на основе выработки научного материалистического мировоззрения. Однако ЦК считает необходимым обратить внимание на то, что «Союз безбожников» в настоящее время еще не представляет собой достаточно массовой организации и достаточно значительной силы, способной мощно противостоять активности религиозных организаций... ЦК партии обращает внимание на то, что партийные, комсомольские и др. общественные организации оказывают «Союзу безбожников» и делу антирелигиозной пропаганды слишком незначительную поддержку (из 128 парткомов за январь-июнь 1928 г. 64 совершенно не обсуждали вопросов антирелигиозной пропаганды, а парткомы, где этот вопрос стоял на обсуждении, в большинстве случаев ограничились принятием резолюций общего характера, без обеспечения фактических возможностей их осуществления). ВЛКСМ почти совершенно не уделяет внимания систематической антирелигиозной пропаганде... ЦК обращает внимание на то, что успехи антирелигиозной пропаганды тормозятся тем, что в рядах партийцев, комсомольцев, членов профсоюзов и других советских организаций, наблюдается недооценка таких явлений как усиление реакционного влияния религиозных организаций не только на широкие массы рабочих и крестьян, но, кое-где, в особенности на мусульманском Востоке, в Белоруссии, и на низовой аппарат Советской власти» [18, л.2]. При таком отношении коммунистов и комсомольцев требовать от беспартийных активного участия в антирелигиозных мероприятиях ожидать не стоило. Именно партийные и комсомольские структуры должны были минимизировать информационные каналы скрытых и явных оппонентов правящего режима. Допустив в свое время распространение нетрадиционных религиозных учений и организаций с целью разрушения Православной церкви, большевики получили значительное количество граждан, не поддающихся никакой идеологической обработке и абсолютно враждебных государству. Новыми властями изначально неверно были определены враждебные советскому строю силы, а на коммунистическое перевоспитание всего общества ни сил, ни средств у правящего режима не было.

Таким образом, состояние антирелигиозной работы в БССР к началу 1929 г. не соответствовало уровню требований, предъявляемых высшим партийным руководством. Внутри и внешнеполитическая обстановка принуждали к консолидации общества для решительного улучшения экономического положения страны, как залога суверенитета и целостности. Основным условием достижения данной цели являлось безраздельное

господство единой идеологии. Значительная часть мировоззренческих установок населения СССР соответствовала коммунистическому учению. В противовес обществу большевики решили провести массовое насаждение атеизма, ошибочно причислив к классовым врагам всех не порвавших с религией и церковью граждан. Оторванность задач антирелигиозной работы от повседневной действительности определила низкий уровень ее организации. Дальнейшее применение избранных форм и методов антирелигиозной работы было нецелесообразным, требовалось корректировка курса, привлечение значительных сил и средств.

1. *Круглов, А. А.* Развитие атеизма в Белоруссии (1917-1987 гг.) / А.А. Круглов – Минск: Беларусь, 1989. – 367 с.
2. *Платонов, Р. П.* Идеологическая работа КПБ в годы социалистической индустриализации. (1926-1929) / Р.П. Платонов. – Мн.: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. –89 с
3. *Глан, Я.М.* Антирелигиозная литература пооктябрьского периода 1930 (июль) – 1932 (ноябрь) /Я.М. Глан. – Москва : ОГИЗ, 1932. – 212 с.
4. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
5. *Протько, Т.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протько.– Минск: Тесей, 2006. – 688 с.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 791.
7. РГАСПИ. – Фонд 17. – Оп. 60. – Д. 793.
8. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 3621.
9. НА РБ. Фонд. 4п. – Оп. 1. – Д. 3508.
10. Ленин, В.И. О задачах воинствующего материализма / В.И. Ленин. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. – 57 с.
11. РГАСПИ. – Фонд 89. – Оп. 4. – Д. 125.
12. НА РБ. – Фонд 4п. – Оп. 21. – Д. 117.
13. Сталин, И.В. Беседа с первой американской рабочей делегацией / И.В. Сталин // Собрание сочинений. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1953. – Т. 10 – С. 92-148.
14. НА РБ. – Фонд 4п. – Оп. 21. – Д. 168.
15. Государственный архив Витебской области. – Фонд 10005. – Оп. 1. – Д. 673.
16. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 154. – Оп. 1а. – Д. 125.
17. РГАСПИ НА. – Фонд 89. – Оп. 4. – Д. 26.
18. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд Р-5263. – Оп. 2. – Д. 7.